

Ханс Хюртен

Церковная политика “Третьего Рейха”*

Исследуя церковную политику “Третьего Рейха” – как мы в обиходе часто до сих пор называем национал-социалистический режим, некритически перенимая его горделивое самообозначение, – приходится иметь дело с двумя обстоятельствами, каждое из которых обнаруживает определенную двойственность¹.

Система власти национал-социалистов отнюдь не являла собой картины монолитного единства, направляемого некой центральной волей. Скорее, имело место соперничество нескольких носителей власти, и от открытого многовластия их удерживала лишь высшая инстанция в лице “фюрера”, который в определенных обстоятельствах привлекался в качестве решающего авторитета, в других же по собственной инициативе вмешивался в процесс принятия решений. Базовая структура этого механизма власти уже в 1941 г. была описана немецким ученым-эмигрантом Эрнстом Френкелем как “Двойное государство” (“Dual state”), где “государство норм”, действующее согласно традиционному пониманию государства, противостоит “государству мероприятий”, не связанному никакими нормами. Упрощая, к “государству норм” можно отнести профессиональное чиновничество независимо от его принадлежности к национал-социализму, а к “государству мероприятий” – партию как таковую. Очевидное двоевластие (государственная администрация и партия) при национал-социалистическом режиме так и не было преодолено до конца даже в случаях внутреннего сращения, например, государственной полиции и партийной организации в лице СС. Скорее, имело место разделение задач, при котором партия брала на себя политическое руководство, организацию дел в стране, а государственной администрации выпадала роль поддержания порядка, организованного партией. Один небольшой эпизод может ярче, чем долгие объяснения, проиллюстрировать этот двойственный характер режима, где партия стояла вне норм государственности. Так, на переговорах о будущем католических объединений прихожан (надежно, как казалось, за-

* Доклад в рамках конференции «Христианство и тоталитарные вызовы 20-го столетия (Айхштетт, октябрь 2000 г.).

¹ Из множества изданий здесь перечислены лишь те, на которых основано дальнейшее рассуждение. Источники: *Akten deutscher Bischöfe über die Lage der Kirche 1933-1945*. 6 Bde. Mainz, 1968-1985. *Dokumente zur Kirchenpolitik des Dritten Reiches*. До сих пор вышло 4 тома: München, 1971-2000. Исследования: Hürten H. *Deutsche Katholiken 1918-1945*. Paderborn, 1972. Scholder K. *Die Kirchen und das Dritte Reich*. Вышло 2 тома. Berlin, 1977-1985; продолжено Besier, Gerhard, Bd. 3, Berlin 2001.

щищенных от растворения в национал-социалистических организациях рейхс-конкордатом), представители партии в июне 1934 г. заявили, что договоренности церкви с государством на партию не распространяются. Значительная доля реально осуществленной церковно-политической деятельности национал-социалистического режима стала возможной только благодаря акциям “государства мероприятий”, не связывавшего себя никакими нормами и предписаниями.

Второй феномен двойственности – это традиционная биконфессиональность Германии. Во времена Гитлера около двух третей населения принадлежали к евангелической церкви, а треть к католицизму. Другие христианские общины, а также иудеи и диссиденты составляли лишь небольшое меньшинство. Вопреки формальному равенству церквей перед законом, гарантированному Веймарской конституцией (ее статьи относительно церкви актуальны и по сей день), фактический правовой статус двух крупнейших конфессий был неравным, ибо католическая церковь уже в течение XIX в. во многом освободилась от государственного контроля, тогда как вплоть до самой революции 1918 г. главы отдельных немецких государств – частей Рейха – оставались *summi episcopi* своих евангелических церквей. Процесс реорганизации немецкой протестантской церкви, начатый в годы Веймарской республики, еще не был завершен, что нередко давало государству повод для вмешательства в церковные дела. И здесь мы подходим вплотную к нашей теме.

Когда Гитлер был избран рейхс-канцлером и начал свое восхождение к тотальной власти, у него не было всеобъемлющей программы в области церковной политики – как, впрочем, и во многих других областях. Чтобы открыть НСДАП путь в массы, он выбросил за борт псевдо-религиозные элементы, свойственные тому политическому движению (*völkische*), из которого выросла его партия. Программа партии даже вменяла в обязанность «положительное христианство», но гарантировала свободу вероисповедания лишь при условии верховенства “идейного и морального чувства германской расы”. Однако некоторые из высокопоставленных партийных функционеров – в том числе Альфред Розенберг с его знаменитым “Мифом XX века” – хотя по официальной версии лишь в качестве частных лиц, оставались верны первоначальным идеологемам движения „*völkische*“ и сближали национал-социалистическое движение с неоязычеством. Для Гитлера, видевшего в католической партии «Центр» своего серьезнейшего противника, образцом мог служить итальянский конкордат 1929 г., закреплявший уже свершившееся отстранение католической церкви от политической власти в этой стране. Однако из итальянского образца все же не могут быть выведены цели Гитлера в церковной политике, впервые сформулированные намного позже, никогда не обнаруженные полностью, но предполагавшие, не больше не меньше, уничтожение церкви как таковой, ибо Гитлер питал к ней неистребимую ненависть.

Сложность германской ситуации состояла еще и в том, что две христианские церкви заняли разные позиции по отношению к национал-социализму. Все католические епископы отмежевались от НСДАП и даже не исключали церковного наказания для тех, кто эту партию поддерживал. Евангелическая же церковь вела себя гораздо менее враждебно – в связи с историческими причинами (огромное большинство духовенства и верующих придерживалось правых позиций). Большая группа так называемых “немецких христиан” соединяла национал-социалистическую идеологию с традиционными религиозными убеждениями. Гитлер стал для них новым провозвестником откровения.

Религиозные позиции двух церквей требовали и разных способов обращения с ними, хотя в обоих случаях цель была одна и та же: нерушимое и безраздельное господство над обществом, тотальное овладение им. В случае католической церкви цель заключалась в преодолении ее оппозиции, в устранении того влияния, которым она располагала в лице партии «Центр», печатных органах, союзах прихожан. А что касается евангелической церкви, то здесь считалось возможным провести “подключение” (*Gleichschaltung*), что на жаргоне национал-социалистов означало постановку под контроль партии тех или иных общественных институтов. Используя так называемых “немецких христиан”, предполагалось постепенно прибрать к рукам всех церковных иерархов.

Обе цели могли быть достигнуты только при условии, что новый режим создаст бы видимость своего дружественного отношения к церкви. В первой фазе национал-социалистического господства это делалось столь явно и настойчиво, что католическая церковь даже восприняла это как повод отменить первоначальный запрет вступления католиков в партию. Предложение заключить рейхс-конкордат, который регулировал бы основные вопросы взаимоотношений государства и церкви, казалось, давало возможность надолго разрядить напряженность, хотя в то же время христианские профсоюзы и католические партии попали под неслыханное давление, такое сильное, что к 20 июля 1933 г., к моменту подписания конкордата, их фактически уже не существовало.

Рейхс-конкордат закреплял то правовое положение, какое имела церковь согласно Веймарской конституции. Он разрешал создание конфессиональных народных школ, гарантировал свободу церковного учения в обмен на согласие деполитизировать клир и союзы прихожан. В конечном счете конкордат гарантировал, что католическую церковь не станут “подключать”. Тем самым в национал-социалистическую действительность вторгались элементы современного либерального государства, и этот факт чрезвычайно мешал функционированию “национал-социалистического порядка”. Поэтому через несколько лет в рейхс-министерстве по делам церкви подумывали даже об отмене конкордата². Еще большее

² Brandl L. Neue Quellen zum Reichskonkordat vom 20. Juli 1933 // *Zeitschrift für Politik* 38 (1991), S. 428-449.

значение имело то, что условия договора, казавшиеся режиму неблагоприятными, никогда не исполнялись. Так и не удалось создать предусмотренный конкордатом перечень приходских объединений, которым должно было быть гарантировано дальнейшее существование. Социальная дискриминация, материальное ущемление верующих, политическое ограничение их деятельности вели к тому, что их участие в так называемом “руководстве народом”, осуществляемом НСДАП, исключалось, всякая конкуренция церкви с массовыми организациями НСДАП прекращалась. Лозунг “деконфессионализации общественной жизни” дал новый импульс к устранению политических институтов, связанных с церковью, церковных печатных органов, школ и других образовательных учреждений, к замыканию деятельности церкви в рамках одних лишь внутрицерковных дел. В 1940 г. рейхс-министр просвещения потребовал, чтобы из всех католических приходских библиотек были изъяты “книги, не носящие католическо-религиозного или назидательного, католическо-культурного или католическо-благотворительного характера”. В 1941 г. “секретарь фюрера” Мартин Борман потребовал закрытия конфессиональных детских садов. Как гласило обоснование, “государство и движение не могут терпеть, чтобы в конфессиональных детских учреждениях воспитание детей велось согласно церковным установлениям и в духе конфессиональной расколотости”³.

Даже если аргументы вроде этого не всегда обнаруживались, а многие из мероприятий, направленных против публичной деятельности церкви, преподносились как необходимость военного времени, все же критически настроенные современники не могли не видеть, что режим старался лишить церковь всякого влияния в обществе, подавить все попытки идеологической или практической конкуренции со стороны церкви. Эта генеральная линия национал-социалистической церковной политики ясно формулируется в деле о разногласиях относительно занятия должности в апостольской администрации Иннсбрука. Имперский конкордат включал в себя вполне обычное дозволение правительству выступать перед назначением епископа со своими общеполитическими соображениями по выдвигаемым кандидатурам. Национал-социалисты после включения Австрии в “Германский Рейх” решили не распространять действие конкордата на “Восточную Марку”, и в то же время признали австрийский конкордат, заключенный в 1934 г., утратившим силу. Таким образом ватиканская курия решила назначить нового епископа в Иннсбруке без согласования с государственной администрацией. Государственные чиновники, однако, потребовали, чтобы их допустили к рассмотрению кандидатур даже и без конкордата. „Поскольку епископу доверяется опека над немецкими соотечественниками и он наделен полномочиями разностороннего влияния на соотечественников“, – писал рейхс-комиссар Бюркель, ответственный за этот регион, – “постольку я считаю недопустимым назначение

³ См. Hürten H. *Op. cit.*, S. 480.

епископа без согласия государства”. Берлинский МИД должен была отстаивать такую несостоятельную в правовом отношении позицию перед Святым Престолом в Риме⁴.

Национал-социалистическая церковная политика в отношении евангелической церкви по сути дела имела те же цели, но исходила из других предпосылок. Государство обладало здесь еще большей свободой маневра, так как протестанты стремились к созданию рейхс-церкви и надеялись здесь на правовую поддержку Рейха. К тому же государство брало на себя задачу прекратить внутрицерковные дискуссии христиан-евангелистов, вызванные притязаниями “немецких христиан”: разногласия решались путем назначения государственных комиссаров на руководящие посты в церкви. Закон о евангелической церкви, вступивший в силу 11 июля 1933 г., создал евангелическую рейхс-церковь и назначил немедленные пере выборы церковных комиссий. Эти выборы пользовались массовой поддержкой НСДАП и лично фюрера Адольфа Гитлера, который, хотя и платил церковный налог как католик, накануне выборов в речи по радио поддержал “немецких христиан” своим авторитетом рейхс-канцлера. “Немецкие христиане” получили на выборах подавляющее большинство голосов. Лишь три из существовавших в то время двадцати восьми евангелических земельных церквей не попали в руки “немецких христиан”. Должность рейхс-епископа тоже оказалась под контролем национал-социалистов. Но после этой первой волны успеха наступила полоса неудач, от которой “немецкие христиане” так и не смогли оправиться. Они столкнулись с противодействием в собственных рядах, связанным с не-евангелическими мотивами в их пропаганде и расистскими искажениями христианства, которыми не гнушались некоторые их представители. Отдел по делам церкви в правительстве рейха своей антисемитской политикой форсировал новый раскол внутри евангелической церкви. Против предписания, согласно которому любые должности в евангелической церкви могли занимать только арийцы, сформировалась широкая оппозиция, подчеркивавшая библейские, вероисповедные основания церкви и ее организации. Через сравнительно недолгое время эта оппозиция организовалась в “вероисповедную церковь” и на своих свободных синодах выступила с заявлениями протеста: конечно, не против национал-социалистического режима как такового, а против учений и практик “разрушенных” земельных церквей, руководимых “немецкими христианами”. Но уже тем самым они – большинство явно неосознанно – подошли к той границе, на которой самоутверждение церкви в условиях национал-социалистического режима переросло в активное политическое сопротивление. Возвращаясь к общей теме нашей конференции, можно взять в качестве примера пятый тезис первого “вероисповедного” синода в Бармене в 1934 г.: “Мы отвергаем ложное учение, согласно которому государство будто бы может и должно [...] стать единственным и тотальным по-

⁴ Там же., с. 418.

рядком человеческой жизни”. Даже если сами священники вероисповедной церкви старались быть хорошими национал-социалистами (как это делал, например, священник Мартин Нимёллер, получивший мировую известность как противник искажений Евангелия), все же их верность вероисповеданию исключала верность национал-социалистическому движению. Никто иной, как сам Нимёллер познал это на собственном опыте: с 1937 г. и вплоть до конца войны он находился в концлагере.

Национал-социалистическое государство пыталось задушить “церковную борьбу” путем целого ряда вмешательств в процесс самоопределения евангелической церкви. Успехи его были однако незначительны, несмотря на то, что и здесь, хотя в гораздо меньшем объеме, чем в случае с католической церковью, оно не задумываясь прибегало к акциям насилия. Враждебное соседство “вероисповедной церкви”, групп, симпатизировавших церковной политике режима, и наконец, нейтралов, ненавидящих “церковную борьбу” как таковую, так и осталось до конца не преодоленным.

В 1945 г. задача “начать все сначала” стояла перед евангелической церковью иначе, чем перед католической. Евангелическая церковь не была так глубоко институционально укоренена в общественном устройстве немецкого Рейха, как католическая, ибо, будучи конфессией большинства, она не нуждалась в организационном укреплении своей среды, и поэтому у нее отсутствовали многие параметры, обострявшие конфликт католической церкви с государством. Организации евангелической молодежи уже в 1933 г. были подотчетны “Гитлер-югенд”; в целом евангелическая церковь подвергалась диффамации в гораздо меньшей степени, чем католическая. Хотя не обошлось без оскорблений в адрес так называемых “политизированных церковных чиновников”, однако напрасно мы стали бы искать в картине национал-социалистической церковной политики в отношении евангелической церкви выражений той ненависти, которую вызывала католическая церковь, обвиняемая в том, что она является приспешницей международного еврейства, капитализма и большевизма; никогда нарушения тогдашних предписаний об обращении иностранной валюты или сексуальных законов со стороны лиц, причастных евангелической церкви, не использовались с тем, чтобы подогреть народный гнев, доведя его до стадии прямых физических нападений и угроз расправы над епископами, как то было в католической церкви. В докладах органов госбезопасности, уделявших свое внимание евангелической церковной борьбе, эта церковь, в отличие от католической, не предстает как политический противник, от которого может исходить угроза. Это, конечно, не свидетельствует о более низком моральном качестве евангелической церкви, но говорит об исторически обусловленном различии позиций двух церквей в немецком обществе.

Описанными мероприятиями национал-социалисты не достигли целей своей церковной политики. Верность широких масс населения вере отцов мешала режиму во время войны более существенно обострить конфликт с церковью, хотя

не было недостатка в антицерковных мероприятиях вроде закрытия монастырей, изъятия крестов из школьных помещений, преследования церковной прессы и даже ограничения пастырской работы на фронте. Линия общей враждебности по отношению к церкви осталась прежней; внимательный наблюдатель не мог не замечать ее. Нерефлектированные угрозы национал-социалистических вождей в адрес христианства и церкви не позволяют прийти к заключению о наличии сколько-то продуманных планов относительно будущей церковной политики после “окончательной победы”; но все в один голос говорят о подавлении и преследовании. Сам Гитлер в доверительных беседах в своей штаб-квартире распространялся о будущем решении церковного вопроса, каковое он считал венцом своей карьеры, при том, что сам он не считал себя новым реформатором, основателем некой новой национал-социалистической религии на вегетарианской почве. Его не всегда последовательные высказывания позволяют выделить три группы мероприятий, которые он предполагал осуществить после окончательной победы: это строжайшее преследование всех неугодных режиму церковных деятелей, переустройство церковных организаций с целью постановки их под полный государственный и партийный контроль, и наконец, массированная пропагандистская кампания за выход из церкви, призванная лишить церковь той социальной поддержки, которая ее еще в какой-то мере защищала в годы войны, и тем самым открыть дорогу неприкрытому захвату церкви национал-социалистическим режимом.

Экспериментальной площадкой такого рода церковной политики в годы войны стало так называемое “Вартегау”, где произволу немецких властей не противостояли никакие правовые нормы вроде конкордата. На этом, как считалось, “вне-правовом пространстве” под сомнение был поставлен прежний правовой статус церкви: лишь в порядке государственной милости за нею был сохранен статус субъекта частного права. Территориальное единство церковной организации было разрушено предписанием создать две отдельные церкви для все еще живущих бок о бок народов: немцев и поляков. Церковные организации подчинялись частному праву, должны были опираться на устав и на свободное членство добровольно вступающих в эти организации взрослых совершеннолетних людей; они не имели правовой связи с церковью в целом. Церковные финансы подлежали строгому надзору государства. Цель Гитлера – полностью поработить церковь – здесь была почти достигнута, насколько ее можно достичь средствами чисто внешнего организационного принуждения.

Церковная политика национал-социализма вытекала, конечно, не только из его систематической установки на тоталитарное господство: она также глубочайшим образом была укоренена в его идеологии. 29 ноября 1944 г. у Гитлера состоялся разговор с его почти всемогущим в партии “секретарем” Мартином Борманом; Борман со свойственной ему бюрократической скрупулезностью записал этот разговор для нужд истории. В разговоре Гитлер между прочим сказал: “Религия

Павла и христианство, представленное ею, были не чем иным, как коммунизмом”, на что его верный Эккерман ответил: “По существу действия евреев остаются такими же: евреи всюду брали на себя руководство низшими классами в борьбе против господствующего класса [...] Всякое уклонение от классовой борьбы поэтому направлено против еврейства, всякое антикоммунистическое учение направлено против еврейства, всякое антихристианское учение – это борьба с еврейством, и наоборот. Поэтому наше национал-социалистическое учение полностью антиеврейское-антикоммунистическое-антихристианское”⁵. С этой точки зрения фактически практиковавшаяся национал-социалистами церковная политика может рассматриваться как пролог драмы, которой история, к нашему общему счастью, отказала в продолжении.

(Перевод с немецкого)

⁵ Schulz Gerhard. Permanente Gleichschaltung des öffentlichen Lebens und Entstehung des nationalsozialistischen Führerstaates in Deutschland, in: Ders. (Hg.) *Die große Krise der dreißiger Jahre. Vom Niedergang der Weltwirtschaft zum Zweiten Weltkrieg*. Göttingen, 1985, S. 97.